

Вытерев рукавом подсохшие следы вина и мысленно добавив ещё одну монету в долговой список Ван Чии, Цзи Линьси перехватил одного из слуг, чтобы узнать, где здесь уборная. Облегчившись и тщательно вымыв руки, он покинул павильон, прижимая к груди заработанное серебро.

За порогом бурлила праздничная жизнь: людские потоки текли по улицам, не зная конца и края.

Промокшие рукава неприятно липли к коже. Линьси замер на мгновение, вдыхая ночной воздух, и решительно шагнул в толпу.

Столица в праздничные дни сияла ослепительным великолепием. Каждые десять-пятнадцать шагов взору открывалось новое зрелище: то торжественные подношения богам, то ловкие трюкачи, собирающие вокруг себя толпы зевак. Торговые ряды тянулись так далеко, что за ними не было видно горизонта. Прохожие, облачённые в изысканные шелка и атлас, невольно заставляли юношу чувствовать себя серым пятном в грубой одежде. К тому же его причёска растрепалась, пока он развлекал щеголей стихами. В эту минуту он больше походил на нищего, чем на учёного мужа, и если бы он пал на колени, вымаливая милостыню, прохожие наверняка подали бы ему монету-другую.

Молодая пара, столкнувшаяся с ним в тесноте, остановилась у лотка бродячего торговца.

— Молодой господин, ваша супруга столь прекрасна! — зазывал их продавец. — Купите красавице шпильку, не пожалеете!

Линьси тоже замедлил шаг и обернулся.

Муж с женой подошли к прилавку. Мужчина выбрал изящное украшение и осторожно вставил его в волосы супруги. Та, не видя себя, лишь слегка покачала головой и с улыбкой спросила:

— Ну как? Мне идёт?

— Попробуй-ка ещё вот ту.

— Пробуйте, пробуйте! — разливался соловьём торговец. — У меня тут товара на любой вкус, и для дам, и для господ. Выбирайте, что сердцу мило!

Поддавшись любопытству, Цзи Линьси подошёл ближе и принялся разглядывать разложенный товар. Продавец, занятый богатыми покупателями, лишь бросил на него мимолётный взгляд и сухо обронил:

— Смотреть можно, только не хватай зря. Сломаешь — будешь платить.

Сказав это, он тут же вернулся к любезностям с парой.

— А эта?

— Вот эта — чудо как хороша.

— Хозяин, сколько просишь?

— О, это недорого! Всего пять лянов серебра.

— Пять лянов?! И это ты называешь «недорого»? — лицо мужчины вытянулось.

Он бросил шпильку обратно на прилавок и потянул жену прочь. Торговец кинулся их удерживать. После долгих споров и яростного торга они сошлись на трёх лянах.

Линьси внимательно осмотрел каждую вещицу, пока его взгляд не замер на простом, лишённом вычурности нефритовом украшении. Он протянул руку и взял шпильку.

— Эта... сколько?

Торговец окинул его скептическим взглядом. Перед ним стоял бедный книжник, с которого явно нечего было взять.

— Это настоящий нефрит, тонкая работа, а не какая-нибудь безделушка. Тридцать лянов. Без торга. Не можешь купить — положи на место.

Юноша, не говоря ни слова, достал тот самый двадцатиляновый слиток, полученный от Ван Чии, добавил к нему ещё десять лянов из своих запасов и положил серебро на прилавок. Развернувшись, он пошёл прочь под ошеломлённый возглас торговца, который, спохватившись, закричал вслед:

— Благодарю, господин! Доброго пути! Заходите к нам ещё!

В высоком небе ярко сияли звёзды и луна, а через весь небосвод тянулась призрачная полоса Млечного Пути.

Зажав шпильку в пальцах, Линьси поднял её над головой, любуясь игрой света на камне. Он закрыл глаза, представляя, как это изящное украшение будет смотреться в волосах его прекрасного господина. От этой мысли ярость на Ван Чии поутихла, а губы молодого человека

тронула едва заметная улыбка. Он бережно спрятал подарок за пазуху.

В этот момент тишину прорезал грохот гонгов и барабанов. Люди на улице начали поспешно расступаться, освобождая дорогу.

Линьси замер в недоумении. Что происходит?

Он отступил вместе с толпой. Видя на лицах окружающих предвкушение и восторг, он не выдержал и спросил у стоявшей рядом женщины:

— Подскажите, чего все ждут?

Женщина удивлённо взглянула на него. Оценив его дорожный вид, она догадалась, что перед ней приезжий, и охотно пояснила:

— Так шествие богов же!

— Шествие богов?

— Каждый раз в большие праздники по нашей столице боги проходят. Чтобы беды отвести, удачу призвать да за милость отблагодарить. И ведь помогает! Когда проносят звезду Вэньцуй, проси об удаче на экзаменах — непременно сбудется. А когда Юэлао покажется — моли о добром союзе. Истину говорю, ни разу не подводило!

«Опять молитвы да идолы», — про себя усмехнулся Линьси.

Если бы боги и впрямь помогали, мир не знал бы столько горя и несправедливости. По его мнению, религия была лишь костылём для слабых духом, которые не в силах сами ковать свою судьбу.

Скрестив руки на груди, он решил остаться и посмотреть на зрелище просто как на забавную суету. Звуки гонгов становились всё громче. Небо расцветилось сотнями небесных фонариков. Следом за ними показались девушки в алых одеждах; прикрыв лица вуалями, они грациозно ударяли в маленькие бубны, кружась в танце. Затем потянулись величественные паланкины с огромными статуями божеств, окружённые танцорами в масках нуо. Вид этих изваяний был столь грозен и величественен, что даже в душе такого циника шевельнулся невольный трепет.

На одном из паланкинов перед статуей сидел человек. Окуная ивовую ветвь в чашу с водой, он разбрызгивал капли над толпой. Те, на кого попадала влага, заходились в восторженных криках.

Линьси не стал уклоняться, и несколько капель упали ему на плечо. Он нахмурился, но

стоявшая рядом старушка благоговейно прошептала:

— Это благословение небес. Коли на тебя эта вода попала, загадывай желание — боги теперь точно услышат.

— Вот оно как, — он хмыкнул. Что ж, раз уж так вышло, можно и поверить... на мгновение. Но просить он ничего не стал.

Когда мимо проплывала статуя звезды Вэньцуй, покровителя учёных, Линьси лишь зевнул. Его мысли были заняты тем, где бы раздобыть книг, чтобы скоротать ночь в ожидании, пока Ван Чии выйдет из своего притона.

— Юэлао! Смотрите, это Юэлао!

Крик был таким громким, что Линьси поморщился и невольно заткнул уши. Обернувшись, он увидел на паланкине улыбающееся изваяние Старца под луной, держащего в руках красную нить. Вокруг него мужчины и женщины, как по команде, сложили ладони и склонились в безмолвной молитве.

«Уж лучше бы молились богу богатства. Тот хоть проку больше принесёт — поможет чин получить да мошну набить, чтобы было на что прекрасного господина в дом ввести...»

«Прекрасного господина?»

Сердце Линьси пропустило удар.

А почему бы, собственно, и нет? Почему бы не попросить у этого бога счастья с тем единственным, кто завладел его мыслями?

Пусть боги — лишь выдука, но от одного желания он ничего не потеряет. А вдруг... вдруг в этом есть крупица истины?

Забыв о своём напускном безразличии, он глубоко вздохнул, сложил ладони и отвесил глубокий, исполненный благочестия поклон.

«О Юэлао, Старец под луной! Коль ты и впрямь слышишь меня, дозвожь мне поскорее увидеть моего прекрасного господина, чтобы унять тоску в моём сердце. Благослови наш союз, помоги мне возвыситься и взять его в супруги. Если всё сбудется, клянусь: каждый месяц буду подносить тебе лучшие яства и не поскоплюсь на жертвы».

Закончив молитву, он осторожно приоткрыл один глаз.

Ничего не произошло.

Ничего...

И в то же мгновение, когда паланкин со статуей и сияющие фонарики проплыли мимо, в просвете между людьми он увидел его.

Белоснежное, спокойное лицо. В янтарных глазах отражались огни фонариков, пёстрая толпа и уходящая тень божества. Юноша казался умиротворённым, уголки его губ тронула едва заметная улыбка — должно быть, празднество пришлось ему по душе. Белая лента, вплетённая в смоляные волосы, спускалась на грудь; ночной ветер подхватил её край, заставив коснуться щеки... Это был не человек — истинный небожитель, сошедший на грешную землю.

Цзи Линьси застыл, не в силах отвести взгляд.

«Должно быть, я слишком сильно тосковал по прекрасному господину, раз мне уже мерещатся видения».

Линьси боялся даже моргнуть, опасаясь, что прекрасный образ растает, как дым, — точно так же, как это случалось в его снах.

«Как же он хорош... Ослепительно красив. Видение кажется настолько реальным, что я могу разглядеть даже крохотную родинку у края брови. К счастью, хоть я и много читаю, зрение не подвело. Если бы я не мог сейчас ясно видеть его лицо, то сам бы выколол себе глаза».

«Юэлао, ты и впрямь добрый старец. Стоило загадать желание, и ты явил мне его образ. Но почему же ты не позволил ему оказаться рядом? Почему не дал ему взять меня за руку, чтобы мы вместе любовались этой красотой?»

Убеждённый, что перед ним лишь плод его воображения, Линьси наблюдал, как юноша повернул голову и заговорил с кем-то, стоящим рядом. Проследив за его взглядом, он увидел того, кто миготом отравил всё его блаженство.

Янь Хуай. Тот самый наследник Янь, что в Юнчэне всеми силами мешал ему приблизиться к возлюбленному.

«И этого наглеца моё воображение притащило в этот сон?!»

Глаза Линьси яростно сузились, но в ту же секунду его прошиб холодный пот. Рассудок вернулся к нему с пугающей ясностью.

Это не галлюцинация.

Разве может видение так естественно разговаривать с кем-то другим?

Это правда!

Там, на другой стороне улицы, действительно стоял он!

Оцепенение сменилось неистовым восторгом. Линьси, не помня себя, рванулся через праздничную дорогу. Но стоило ему втиснуться в толпу, как один из танцоров нуо преградил ему путь ритуальным жезлом и грубо рыкнул:

— Сдурел, щенок?! Дорогу богам перебежать вздумал? Проваливай назад, пока цел!

Стоящие рядом люди подхватили его и затащили обратно на обочину.

Линьси метался от бессилия. Его сокровище было так близко!

Он уже открыл рот, чтобы закричать, позвать его, но вовремя осекся.

«Нет, нельзя...»

Он ведь так старался изменить свою внешность именно для того, чтобы предстать перед ним в новом свете. Если он сейчас закричит, как он всё объяснит? Скажет, что он — тот самый Чу Си? Тот бесстыдник из Юнчэна? Он ведь потому и вел себя там так нагло, что был уверен — при следующей встрече его не узнают.

«Нет, нет и ещё раз нет. Не сейчас».

Он стиснул зубы. Новый огромный паланкин заслонил обзор. Линьси принялся лихорадочно пробираться сквозь толпу, выискивая малейшую щель.

Процессия двигалась вперёд, и юноша на той стороне улицы тоже пошёл следом за ней. Линьси, не сводя с него глаз, продирался сквозь людское море параллельным курсом.

Никогда ещё он не чувствовал такого отчаяния. Наконец шествие миновало, толпа начала перемешиваться, и он, расталкивая локтями всех на своём пути, бросился к тому месту, где только что видел возлюбленного. Но тот уже отвернулся, собираясь уходить вместе со своим спутником.

— Молодой господин!.. — Линьси сорвался на крик, забыв обо всех предосторожностях.

Но на праздничной улице были сотни молодых господ. Не зная имени, как понять, кого зовут?

К тому же шум толпы поглощал звуки, и на таком расстоянии его голос был лишь неясным шумом.

— Молодой господин!!

— Молодой господин!!!

Чу Юй, собиравшийся возвращаться во дворец, внезапно замер. Ему показалось, что он слышит знакомый голос. Он обернулся, но увидел лишь бесконечный поток незнакомых лиц.

— Мне почудилось... будто кто-то звал меня.

Янь Хуай, бережно прижимавший к груди купленный меч, задумался.

— Вряд ли, Ваше Высочество. Здесь, в столице, те, кто знает вас, назвали бы титул. С чего бы им кричать просто «молодой господин»? — Впрочем, обладая острым слухом, он тоже уловил какой-то выкрик.

Чу Юй кивнул и больше не оборачивался.

— Второй молодой господин Шэнь!! — донеслось издалека.

Янь Хуай нахмурился:

— А, так это Шэнь Вэньчжи зовут. Неужто и он сегодня здесь?

Толпа была слишком густой. Гвардейцы в штатском тихо напомнили, что пора возвращаться. Чу Юй негромко отозвался — он не расслышал слов наследника Янь.

— Янь Хуай, мне пора во дворец. Тебе тоже лучше не задерживаться, а то маркиз Чжуннань будет недоволен.

— Я ещё немного погуляю. В худшем случае отец просто задаст мне трёпку.

— Доброго пути, Ваше Высочество. Берегите себя.

Они разошлись. Чу Юй под охраной гвардейцев подошёл к ожидавшему его экипажу и, приподняв полу халата, поднялся внутрь.

Когда Линьси наконец добежал до того места, он увидел лишь, как его господин скрылся в

кажете. Занавески опустились, кучер взмахнул кнутом:

— Но-о! Пошла!

Линьси уже окончательно пришёл в себя. Подавив желание закричать во весь голос, он припустил вслед за каретой.

Гвардейцы, конечно, услышали топот ног. Поняв, что преследователь не владеет боевыми искусствами, и зная, сколь необычайна красота их господина, они не придали этому значения. Мало ли за каретой бегают восторженных дураков? Всё равно у ворот дворца его остановят.

Экипаж катился к императорскому дворцу, а юноша бежал сзади, не отставая.

«Ещё разок... хотя бы ещё один взгляд».

Он ведь только сегодня купил для него ту шпильку.

Он пробежал через полгорода, пока карета не остановилась перед высокими, массивными воротами. Длинный ряд стражников в тяжёлых доспехах, вооружённых длинными копьями, преградил путь. Увидев знак на карете, они расступились и распахнули створки, пропуская экипаж внутрь.

Линьси, который в ночной темноте даже не сразу понял, что перед ним императорский дворец, осознал — дальше пути нет. Он без сил рухнул на колени прямо в дорожную пыль, обливаясь потом. Дыхание со свистом вырывалось из груди.

Не успел... Не догнал!

«Проклятье!!»

Он в ярости ударил кулаком по земле.

Будь он в лучшей форме, он бы наверняка догнал их! Всё из-за того, что он вечно упражнял только поясницу, совсем забыв о ногах. И вот результат — упустил его!

Его накрыла волна невыносимой тоски и разочарования.

Стиснув зубы и немного отдышавшись, Линьси медленно поднялся. Глядя на далекие, неприступные ворота, он крепко сжал кулаки.

«Не спеши, Линьси. Не теряй головы».

Если судьба свела их в этой огромной столице один раз, значит, сведёт и второй, и третий. К тому же сейчас он выглядел жалко — весь в поту и пыли, разве это достойный вид для встречи? Нужно вернуться, найти способ разделаться с Ван Чии, а в следующем году блестяще сдать экзамены. Только в сиянии славы он предстанет перед своим господином и завоюет его сердце.

Приняв это решение, Линьси медленно выдохнул. Понурился, он пошёл обратно к рынку. Прикупив по дороге книгу и стопку бумаги, он вернулся к карете Ван Чии, стоявшей у цветочного павильона, чтобы провести остаток ночи за учёбой.

Хмель наконец начал брать своё. В павильоне он лишь притворялся, незаметно выливая вино на одежду, и его пьяная выходка была лишь игрой. Но те чаши, что он осушил в самом начале, были настоящими.

Тело горело, дыхание превращалось в белесый туман. Пальцы ослабли, и неоконченная рукопись выпала из рук. Юноша откинул полог кареты, подставляя лицо холодному свету луны. Не выдержав, он вновь достал заветную шахматную фигуру. Он долго вертел её в руках, лаская гладкую поверхность, а затем... засунул в рот, прижав зубами.

Он помнил, как в прошлый раз едва не проглотил её в порыве безумного восторга, и теперь был осторожен.

Дыхание стало прерывистым и тяжёлым. В серебристом свете луны ему виделось лицо его господина с той самой белоснежной лентой. Спину пробирал невыносимый зуд, словно под кожей ползла змея, обвивая позвоночник, сжимая в кольца.

Прошло немало времени, прежде чем он глухо застонал. Спина его выгнулась, как натянутая тетива, по бедрам прошла мелкая дрожь. Наконец всё тело обмякло. С глубоким вздохом облегчения он закрыл глаза. Немного отдохнув и приведя себя в порядок, он вновь взял кисть. При свете фонарей весёлого квартала и бледной луны, заглядывающей в карету, он продолжил писать.

Слова ложились на бумагу легко и стремительно, рождаясь в едином порыве.

Закончив труд, он уронил голову на сиденье и мгновенно провалился в глубокий сон, ожидая прихода рассвета.
